

Цветы нашей жизни

Автор:

Мария Метлицкая

Цветы нашей жизни

Мария Метлицкая

За чужими окнами

Как вы догадались по названию, эта книга о самом дорогом, что у нас есть, – о детях. Почти все женщины считают рождение детей главным и самым счастливым событием своей жизни. Потому что все: и недосып, и размолвки с мужем, и страдания из-за испорченной фигуры – ерунда по сравнению со счастьем, когда взрослый сын говорит: «Мама, я тебя люблю». Или, рассказывая о девочке, которая ему очень нравится, вскользь замечает: «А еще она очень похожа на тебя». Или с гордостью, когда подросшая дочь делится с тобой своими секретами и ты в ней узнаешь себя – такую романтическую, уверенную, что впереди только счастье.

Я искренне желаю вам, мои читательницы, чтобы это предчувствие счастья не оставляло вас никогда. И не бойтесь трудностей – их можно преодолеть, когда знаешь, ради чего.

Мария Метлицкая

Цветы нашей жизни

© Метлицкая М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Ну здравствуйте, дорогие мои!

Тем, кто со мной пока незнаком, представляюсь: Мария Метлицкая.

Как любят меня представлять в родном издательстве, автор душевных рассказов и романов о самых обычных людях. Это абсолютная правда. Одна из первых моих книг так и называлась: «Наша маленькая жизнь». Жизнь обычных людей мне действительно интереснее жизни олигархов или, скажем, богемы. Я ведь тоже – самый что ни на есть обычный человек. Живу такой же жизнью, что и вы. Я тоже жена, мама и бабушка. И так же провожу много времени у плиты, чтобы побаловать домашних вкусным обедом, так же решаю их многочисленные проблемы, у меня так же болит сердце за них, и я стараюсь сделать все возможное, чтобы в доме у меня было вкусно, уютно, чтобы не было напряжения, чтобы все друг друга любили, уважали и берегли.

В предыдущей книге «Советов» мы с вами успели поговорить обо всем понемногу: и о мужьях, и о детях, и о свекровях. А сейчас предлагаю поговорить о детях подробнее. Почему – думаю, понятно. Кстати, мы по-прежнему на ты, договорились? Так проще, мне кажется, обсуждать самое насущное, то, чего не доверишь иногда даже маме или любимой подруге.

Отношения с собственным ребенком выстраиваются годами, а разрушить их можно в одночасье. Достаточно дать повод заподозрить тебя в неискренности, в том, что ты по другую сторону баррикад. Это только кажется, что, родив ребенка, мы получаем пожизненную индульгенцию: говорю что хочу, делаю что хочу – он (она) меня поймет и простит. Увы, наступает время, когда кредит доверия исчерпывается. Опытные родители знают, что такое подростковый возраст, когда ваш нежный цветок, который всегда покладисто выполнял ваши просьбы, безоговорочно вам доверял и каждое ваше слово воспринимал как аксиому, становится колючим ежом. Когда все слова он начинает воспринимать в штыки, хамит, обязательно на ваше «да» говорит «нет», на «черное» – «белое» и так далее. И вот к этому-то моменту нужно, чтобы ваши отношения были настолько доверительными, чтобы та ниточка, которая между вами существовала всю жизнь, не порвалась.

Отношения с ребенком, как бы цинично это ни прозвучало, важнее даже отношений с мужем: с мужем, если совсем немогуту, ушли взаимопонимание и чувства, можно и развестись. С ребенком развестись нельзя.

Но мы как раз и поговорим о том, что делать, чтобы с мужем не развестись, контакт с ребенком не потерять и прожить с ними в мире и согласии.

Совет первый

Пусть муж принимает участие в воспитании с первых дней

Знаете, меня всегда удивляет такая мужская позиция: вот пока это существо в пеленках, я к нему подходить не стану. Толку с него никакого: ни в футбол поиграть, ни пива выпить, ни в баню сходить. Вот когда он станет мне компаньоном во всех этих мужских суровых развлечениях, тогда я, пожалуй, начну с ним общаться.

Глупость несусветная, уж простите за резкость. При таком раскладе ребеночек папу-то и не узнает, не поймет, что за чужой мужик его приглашает в баню или зовет на футбол. И кстати, интересно: а что делать, если родится девочка? Вот ведь удар судьбы: ни тебе в баню, ни тебе на футбол...

Многие женщины культивируют в мужчинах убежденность, что те сами – дети. Только что разглядывала глянецовый журнал, а там яркий заголовок: «Собираетесь в отпуск? На кого оставить мужа?» Вот то ли речь о несовершеннолетнем идет, то ли вообще о домашнем животном. Как будто муж – человек беспомощный и в отсутствие жены непременно будет ходить голодным, заросшим, в грязной одежде – потому что в кухню он привык заходить, только чтобы поесть, к стиральной машине приблизиться боится, о существовании в доме посудомойки подозревает, но пользоваться ею не решится. А того хуже, почувствовав свободу, нашкодит, хорошо если не спалит квартиру.

Есть мужчины (я таких знаю и уверена, вам тоже подобные экземпляры попадались), которые встречают сообщение о грядущем отцовстве

без энтузиазма, потому что – внимание! – боятся, что теперь все внимание жены будет переключено на ребенка. Конечно, кто ж тебе, сердечному, теперь кашку сварит и пеленки поменяет! У твоей жены теперь младшенький есть! О таких мужчинах и говорить не хочется – здесь все понятно, диагноз, так сказать, ясен.

Но и «нормальные» мужики, которые заботятся о жене, сознательно хотят детей и готовы нести ответственность за семью, теряются при виде младенца, не знают, с какого бока к нему подойти, как взять, как положить и вообще – что с ним, кричащим, делать. И это вполне объяснимо. Рождение ребенка – огромный стресс для женщины, но и для мужчины это тоже стресс, да еще какой! И если мужчине с первых дней жизни ребенка внушить, что он не умеет купать, кормить, пеленать, что ему нельзя доверять поменять памперс и т. д., он в это поверит.

И постепенно внутри семьи появятся «фракции» – мать, и дитя, и он, отец семейства, который никому не нужен, только мешает под ногами. Ну разве что пользы – зарплату получает. Такой ходячий кошелек. Вот тут и начинаются посиделки с друзьями, частые командировки, а там, глядишь, и дама подвернется, которая не измучена бессонными ночами и не погружена в проблемы грудного вскармливания. Так что не узурпируйте право ухаживать за этим крикливым созданием. Делитесь этим правом с его отцом.

Мужчины, конечно, с Марса, как нас убеждают статьи в глянцевых журналах и даже умные книги по психологии. Но и на Марсе может быть жизнь – в смысле, и мужчины бывают заботливыми родителями.

Паше не везло с ранней молодости: что ни девица – то либо стерва, либо вертихвостка, а чаще и то, и другое сразу. Главное, сам-то Паша был парень хоть куда: стройный, в меру накачанный, улыбчивый, добрый. Может, потому, что добрый, так все и происходило – не мог он отпор дать, прикрикнуть, кулаком по столу стукнуть. И потом, очень был влюбчивым. А уж если полюбит – все, из него можно веревки вить. Что представительницы прекрасного пола с успехом и делали.

Больше всех в этом деле преуспела его первая жена, Ритка. Познакомились они в институте – Паша учился в педвузе на факультете физкультуры, а Ритка после училища поступила на факультет начальных классов. Была она красивой –

что есть, то есть: каштановая коса ниже пояса, огромные миндалевидные глаза, рост, стать – все при ней. Паша как увидел ее – запал сразу. Ухажеры вокруг Ритки вились тучей, она ими помыкала как хотела – кто лекции ей переписывал, кто у метро встречал. Те, что побогаче, в ресторан водили. Она все это воспринимала как должное, с царской невозмутимостью. Она вообще любила повторять: «Все люди как люди, одна я царица». Чего Пашке стоило всех ее ухажеров отвадить – одному ему известно. Поженились они очень скоро, Пашка привел жену домой.

Жил он с матерью, медсестрой в больнице. Валентина Михайловна его всю жизнь растила одна, недосыпала, недоедала, во всем себе отказывала. Сына она обожала, души в нем не чаяла. Ритка ей не понравилась сразу – мать такое сразу видит. Конечно, она пробовала поговорить с Пашкой, вправить ему мозги, но все без толку – он был как пьяный, перед глазами все время Ритка стояла – глаза ее с поволокой, усмешка. При мысли, что она сейчас с другим, в висках начинало стучать, кулаки сами собой сжимались. Мать поняла, что Пашку надо оставить в покое – свою голову ему не приставишь, а отношения испортишь. А еще она поняла, что жить с Риткой не сможет. Никогда. И съехала сначала к сестре, а потом стремительно вышла замуж за вдовца, который давно к ней подбивал клинья. Пашка, кажется, и не заметил, что мать в их квартирке больше не появляется. Он жил как в угаре. Любой Риткин каприз выполнял, только что тапочки ей в зубах не притаскивал. Продолжалось это почти полгода. За это время Пашка успел накопить столько хвостов в институте, что угроза отчисления стала абсолютно реальной. И что тогда? Армия? Два года не видеть Риту? Ну уж нет! Говорят, что в минуту смертельной опасности человек способен на суперподвиги: перемахнуть через забор с него ростом, пройти босиком по стеклу. Вот, видимо, перспектива потерять жену была для Паши такой смертельной опасностью, потому что то, что он закрыл все задолженности и сдал все экзамены, иначе как чудом не назовешь. Но только Ритку он все равно потерял – в один совсем не прекрасный день она ему объявила, что уходит к другому, потому как его, Пашу, разлюбила, никаких чувств к нему не испытывает, и никаких обязательств по отношению к нему у нее нет.

После ее ухода Пашка запил. Сидел один на кухне и методично вливал в себя все спиртное, что мог достать. Уговоры друзей забыть «эту змею подколенную» и «суку страшную» он пропускал мимо ушей, а за «суку» лучшему другу Сереге даже пытался дать по морде, правда, не получилось, потому что был в таком состоянии, что, привстав со стула, тут же потерял равновесие и рухнул, стянув попутно скатерть, и все бутылки, рюмки и стаканы, а также окурки и объедки посыпались на пол. Серега плюнул и ушел, не в силах видеть это скотство.

Мать, когда узнала, что происходит с ее любимым Пашенькой, немедленно примчалась, вызвала знакомых врачей, те поставили капельницу, «почистили» его. Но лучше не стало – теперь Пашка лежал на диване и бессмысленным взглядом пялился на обои – веселенький рисуночек, клеил перед свадьбой, чтобы Ритке понравилась скромная комнатка.

Мать задвинула гордость подальше и – чего не сделаешь ради сыночка – поехала к бывшей невестке, подкараулила ее во дворе института. Ритка вышла румяная, довольная, громко смеясь, рассказывала что-то подружкам. Увидев свекровь, остановилась, лицо у нее стало злое, глаза сузились.

– Чем могу быть вам полезна, Валентина Михайловна?

Видно, готовилась, перед зеркалом репетировала. Пашкина мать ожидала, что Ритка ей не обрадуется. Но злость, с которой были произнесены эти слова, ее обескуражила. Валентина Михайловна стала что-то беспомощно бормотать, потом окончательно растерялась, губы задрожали, из глаз потекли слезы. Наконец она выдавила:

– Риточка, вернись к Павлику! Плохо ему без тебя! Ну нельзя же так с человеком!

– Я полюбила другого. А сына вашего – разлюбила, – отчеканила Ритка. И издевательски добавила: – Вы ведь взрослая женщина, могли бы понять – насильно мил не будешь.

– Совести, Рита, у тебя нет! Он же все для тебя делал!

– Ну не знаю, что он там делал. Ни денег, ни радости. Эти штучки «с милым рай в шалаше» – не для меня. И вообще, мне пора идти. До свидания.

Валентина Михайловна чувствовала себя оплеванной. А главное – и сыну не помогла, и сама унизилась так, как никогда не унижалась.

Но все проходит, прошло и это. Через год Пашка стал вроде бы таким, как всегда, – обаятельным остряком, душой компании. Никто о его недолгой женитьбе не вспоминал, и казалось, он сам тоже о ней забыл.

И может, рана бы затянулась, и Пашка зажил бы, как все люди. Но известно, что Господь не посылает людям испытаний, которые те не могут выдержать. А Пашку, судя по всему, сочли там, наверху, очень выносливым. В ресторане, куда он пришел на день рождения того самого Сереги, которому когда-то по пьяной лавочке чуть было не заехал в торец, он встретил Женьку, Ритину лучшую подругу. Сначала Пашка хотел сделать вид, что ее не замечает, но Женька сама к нему подошла, пригласила танцевать и под томные звуки танго рассказала интересную историю: оказывается, Ритка с тем чуваком, к которому ушла от Пашки, больше не живет. Нашла себе вариант получше: вышла замуж за итальянца и уехала на знойную родину нового мужа.

- Меня это не интересует, - перебил ее Пашка, но Женька быстро, пока он не ушел, проговорила:

- А дочку твою она в роддоме оставила.

- Какую дочку, что ты несешь! - Паша вроде бы наблюдал все происходящее со стороны. Ему хотелось, чтобы всего этого не было. Чтобы ресторан, люди, а главное, Женька провалились куда-нибудь в тартарары. Чтобы все это оказалось глупым, страшным сном. Сном! Который рано или поздно заканчивается. Но Женька была настоящая, а значит, и дочка - тоже настоящая?!

Пашка понял, что веселиться больше не может. Ему надо было подумать.

И опять он лежал на диване, уставившись в обои, опять мать, которая уже было выдохнула и зажила более-менее спокойно со своим вдовцом, пыталась понять, что происходит с ее сыночком. А сыночек молчал. Через пару недель он опять стал ходить в институт и даже на работу - в последнее время Пашка подрабатывал инструктором по фитнесу в небольшом зальчике, который держал его приятель. Он шутил, смеялся, даже съездил к друзьям на дачу и познакомился там с отличными девчонками, у одной взял телефончик. Но ему все время казалось, что внутри его живут два человека - и пока один развлекается, другой непрерывно думает о том, что сказала Женька.

Наконец он понял, что должен с кем-то поделиться, иначе сойдет с ума. Мать беспокоить не хотелось, она разохается, расстроится, примется бестолково суесться. И Пашка решил все рассказать Сереге.

Друг выслушал всю историю, сочувственно посмотрел на Пашку и жалостливо произнес:

- Ты с дуба рухнул? Какая дочь? Ритка твоя спала с кем ни попадя. Она и после свадьбы в чужие койки ныряла, я тебе не говорил, расстраивать не хотел, чтобы ты глупостей не наделал. От кого она залетела – это большой вопрос. Вы что с ней – того? Не предохранялись?

- Да нет, она вроде какие-то таблетки пила...

- «Какие-то», «пила»! Ну ты как дитя, ей-богу! Только если бы это был твой ребенок, она бы деньги с тебя тянула только так, не боись! Так что либо стопроцентно не твой, либо она сомневалась. Ну если ты такой совестливый, пойдй сделай эту... ну как ее... экспертизу.

Пашка представил, как приходит в Дом малютки – или куда сдают младенцев, которые никому не нужны, – просит образец слюны, например (он видел в кино, это так делают), потом оказывается, что девочка к нему отношения не имеет, и он спокойно о ней забывает. Нет, это невозможно! Никуда он не пойдет! Нет девочки никакой! Нет и не было! И он, в конце концов, мог и не пойти в этот проклятый ресторан! Не встретить эту змею Женьку и ничего не узнать!

Пашка не был киношным героем. Он испугался – ответственности, перемен в жизни. Он хотел жить как живется. Как все – работать, учиться, ездить с друзьями на шашлыки, влюбляться в девушек.

На одной такой девушке он и женился. Лиза была милая, скромная, работала массажисткой в том же фитнес-центре, где Пашка. Ему вроде бы повезло – первый раз в жизни. Лиза не пыталась загнать его под каблук, не вела себя как принцесса, не капризничала. И очень его любила. И Пашка ее тоже любил. Им было как-то спокойно вдвоем. А потом и втроем – Лиза родила дочь Дашу, и Пашка стал самым заботливым в мире отцом. После работы бежал домой, чтобы искупать дочь и поддержать ее, сонную, за ручку, дожидаясь, когда она заснет. И тихие вечера с женой на их небольшой, уютной кухне ему, похоже, стали нравиться гораздо больше шумных посиделок с друзьями. Хотя Лиза его легко отпускала – она ему доверяла и даже в мыслях не держала, что Паша может загулять. «Ангел, просто ангел», – с восторгом, боясь сглазить, говорила

о невестке Валентина Михайловна.

И здесь бы я могла поставить точку. Счастливый финал – герой вознагражден за мытарства, хорошие люди живут вместе в покое и согласии, растят прелестную дочурку. Что еще для счастья надо? А вот надо – чистую совесть. А она у Пашки как раз таки чистой и не была. Глядя на Дашу, он все время думал о той девочке, которая живет в детдоме, одинокая и брошенная. Вдруг ее обижают? А если она болеет? А вдруг ее удочерили, и приемные родители день и ночь попрекают ее куском хлеба? Он покупал Даше игрушки – и думал о той, другой, сиротке. Покупал любимые Дашуткины пирожные – и опять думал о несчастной своей дочери, которую бросил, которая живет в казенном доме и которую никто не балует пирожными и конфетами. Эти мысли его посещали все чаще, и отделаться от них нельзя было никакими силами. В такие моменты Пашка мрачнел, делался немногословным, мог даже грубо ответить. Лиза и Даша испуганно замолкали, он потом просил у своих девчонок прощения и мучился еще сильнее – кругом, ну кругом виноват!

В конце концов терпеть стало невозможно. И он опять пришел к Сереге. Естественно, с бутылкой. И выложил все как на духу: жить так больше не могу, давай найдем эту девочку, плевать на экспертизу, отец я или нет – удочерю ее, и все! Можно будет спокойно жить!

Серега не терял способность трезво рассуждать даже после изрядного количества алкоголя.

– Вот тут-то, брат, у тебя спокойная жизнь закончится. Навсегда. Во-первых, ты уж извини, но давай начистоту: от осины апельсины не родятся. Ритка твоя была стервой, так что вряд ли ее дочь ангел. Да точно ли ты папаша – мы не знаем. Может, твоя курва ее от какого-нибудь жлоба родила? А расхлебывать – тебе! И потом – в детдоме, как ни крути – какое там воспитание? Вот приведешь ты ее домой. Как Лизка твоя к этому отнесется – неизвестно.

– Лиза добрая, детей любит. Что ж она, ребенка на улицу выставит?

– Ну допустим, не выставит. А Даша? Она ж привыкла, что вокруг нее мир вертится. Вы с Лизкой, твоя мать, Лизкины родители – все ее любят, холят, лелеют, принцессой называют. А ты ей – опаньки! – сестричку приведешь.

С которой и вашей любовью надо делиться, и игрушками. Дети в этом возрасте знаешь какие эгоисты! Вон мой пацан – мелкий еще совсем, а попробуй кто его игрушку возьми – в рев и сразу кусаться!

Пашка с тоской понимал, что Серега прав:

– Да все ты правильно говоришь! Только не могу я!

– Ладно, давай ее для начала разыщем. Говори телефон своей этой, как ее... Женьки!

Разыскать Женьку так быстро не удалось – она по примеру подруги вышла замуж за иностранца и уехала жить за границу. У Пашки оставался один выход – позвонить бывшей теще, Риткиной матери. Та Пашку никогда не любила, считала, что он ее дочери не пара. После развода Пашка с тещей ни разу не общался.

Когда он позвонил и представился, она ответила холодно и враждебно:

– Что вам от меня надо? Мне некогда с вами разговаривать.

Но Пашку было не остановить.

– Я знаю, что Рита родила дочь и оставила в роддоме. Скажите мне номер этого роддома. И может, вы знаете, где сейчас девочка? Может, навещали ее? Вы же ей бабушка все-таки!

Выпалив все это, Пашка почувствовал, что сдулся, словно шар, из которого выпустили воздух. В висках стучало, во рту пересохло, руки дрожали.

– Ты пьяный, что ли? – Теща перешла на ты. – Какая дочь? Какой роддом? У Риты сын, его отец – ее муж, они живут в Италии, а других детей у нее нет. И не звони мне больше! Лучше пить прекращай! – Ритина мать почему-то всегда считала бывшего зятя чуть ли не алкоголиком.

После этого разговора Пашка впал в настоящую депрессию – опять залег на диван, опять не ел, не пил, не разговаривал. А Серега, пока его приятель

обдумывал самые черные мысли, разыскал через «Одноклассников» Женьку, которая ему призналась, что тогда, в ресторане, она Пашку разыграла.

«Да ты понимаешь, что сделала! – Серега яростно лупил по клавиатуре, не попадая в нужные буквы. – Он же чуть руки на себя не наложил! Да что ж вы с Риткой твоей за стервы такие!»

«Ну не наложил же! – ответила Женька. Дальше стояла строка смайликов. – Я уж и думать про это забыла. Кто ж знал, что он такой чувствительный! Правильно Ритуля говорила – тряпка, а не мужик!»

«Сами вы с твоей Ритулей...» – дальше Серега перешел на отнюдь не литературную лексику.

Узнав правду, Пашка облегчения не испытал. Он почувствовал себя обманутым: ведь он почти привык к мысли, что у него не одна, а две дочери, строил планы, как будет с ними кататься на лыжах, как они всей семьей поедут в отпуск. Как он будет их баловать, покупать игрушки.

И он рассказал обо всем Лизе. Лиза правда оказалась ангелом. Она призналась, что давно думала о том, чтобы взять ребенка из детдома. Потому что Дашка не должна расти одна и еще потому, что изменить к лучшему чью-то жизнь – это очень правильно...

Через несколько лет первого сентября Пашка, гордый, растроганный до слез, стоял на линейке, а рядом с ним – Дашутка и Олечка. Его дочери. Многие говорят, что девочки похожи, как близнецы. И Пашке самому иногда так кажется.

Совет второй

Дозируй помощь со стороны

Меня всегда удивляет, что молодые люди, когда решают обзавестись детьми, рассчитывают на помощь собственных родителей – материальную и физическую. Ну с материальной все ясно – в нашей стране детей принято содержать до их пенсии. Здесь каждый решает сам, как поступать. Конечно, ничего плохого здесь нет – почему бы не поддержать детей, если у вас есть такая возможность? Но когда я слышу истории, как, к примеру, тридцати- и даже сорокалетние «деточки» живут за счет родителей, то всегда вспоминаю восточную мудрость: если отец работал, а сын бездельничает, то внук будет просить милостыню.

Помню прекрасно себя – никогда мне и в голову не приходило скинуть сына на руки бабушкам, няням, воспитателям в садике, чтобы самой наслаждаться жизнью. Конечно, иногда молодым родителям надо выбираться куда-то вдвоем, без ребенка – во-первых, чтобы не потерять романтики в отношениях, во-вторых, чтобы просто не сойти с ума от бесконечных проблем. Да и бабушкам и дедушкам – теперь-то я это знаю по себе – в удовольствие поиграть, погулять с внуками, сходить с ними в парк, в кино, в цирк, или даже прихватить их на пару недель в отпуск? Молодость вспомнить, когда вот так же ездили с их родителями, да и детям помочь. Но отказаться от себя, от своей жизни – здесь может быть только добровольное согласие. Приставать к теще или свекрови буквально с ножом к горлу, требуя, чтобы она бросила работу и стала «профессиональной бабушкой», – я считаю, это неправильно. Помните замечательный фильм «По семейным обстоятельствам», где дочь, которую играет Марина Дюжева, требует от матери (прекрасная роль Галины Польских), чтобы та ушла с работы и в качестве аргумента восклицает: «Ведь она же твоя внучка!» На что мать жестко парирует: «Прежде всего она твоя дочка!» И кстати, отдавая ребенка на воспитание теще или свекрови, вы рискуете получить «на выходе» совсем не того человека, с которым сможете дружить, с которым вы понимаете друг друга с полуслова. Это няне, человеку, в общем, временному, которому вы платите, на минуточку, деньги, можно мягко, но настойчиво сказать: «У нас так не принято» или «Делайте так и не делайте этак». С бабушкой такие номера не пройдут – она привыкла воспитывать вас, так что вашего ребенка тоже рассматривает как собственного, которого можно лепить «по образу и подобию». История Маши, дочери моих друзей, – тому доказательство. Имена я на всякий случай изменила.

Маша росла единственным избалованным ребенком в окружении взрослых, каждый из которых готов был в любой момент сорваться, чтобы исполнить каприз принцессы. Марусечка захотела немецкую куклу, как у подружки

по садику? Мама, моя подруга Наташа, немедленно через знакомую спекулянтку втридорога эту куклу достала (дело было на излете эпохи застоя, когда не то что кукол – иногда и куска мяса было не купить). Дедушка, кряхтя и постанывая, рискуя слечь с радикулитом, катал деточку на спине, потому что их высочество соизволили захотеть поиграть в лошадку. Ну и разумеется, каждое лето – море (ребенку нужен целебный южный воздух), лучшие врачи, потом престижная школа, самые дорогие репетиторы, и – вожделенный филфак МГУ. Вскоре Маруся познакомилась с будущим мужем Володей, тоже студентом, не то второкурсником, не то третьекурсником технического вуза. Словом, таким же, как она, юнцом. Что и говорить, перспектива брака на втором курсе ни родителей, ни бабушек-дедушек не порадовала. Но слово Маши было в семье законом, да и остановить ее всегда было невозможно. Ни аргументы, ни уговоры не действовали. Каким чудом Володя уговорил своих родителей на эту «авантюру», как назвала бракосочетание сына Машина свекровь, для меня, да и для всех было загадкой. Но факт есть факт – Маша и Володя поженились и стали жить в отдельной кооперативной квартире, заблаговременно купленной дедушкой и бабушкой для любимой внучки. На дворе были 90-е, время лютое, с деньгами, продуктами было не очень. Но Маша была выше прозы жизни. Это, впрочем, было несложно – ее мать несколько раз в неделю проводывала молодых с сумками, набитыми продуктами, баночками, судочками и кастрюльками. Виктор, Машин папа, нет-нет, да совал дочери купюру – «на шпильки и глупости». Жизнь, одним словом, у молодоженов была отличная, и впереди было еще несколько беззаботных студенческих лет. Они любили шумные компании, поездки к друзьям на дачу и так далее. И тут – гром среди ясного неба. Маша узнала, что беременна. Как горько шутил Виктор, Маруся узнала, что любовь – не встречи на скамейке, от поцелуев бывают дети. Конечно, она совсем не хотела, да и не была готова стать матерью. То есть теоретически она была не против, но позже.

Что думал по этому поводу юный супруг Володя, неизвестно, потому что он всегда думал так, как Маша. В его семье было принято слушать мать – Машина свекровь Эвелина Павловна была женщиной строгой и властной. Но при этом умной. Знала, когда кнут сменить на пряник. Ее супруг жену уважал, слегка побаивался и готов был каждому встречному рассказывать, какая у него Элечка умница, какая замечательная хозяйка и прекрасная мать. Мать Эвелина Павловна была и вправду хорошая. Володя всегда чувствовал ее поддержку, порой весьма навязчивую, но его это никогда не смущало. «Мама лучше знает, что тебе надо» – эту фразу Эвелина Павловна сделала рефреном своих отношений с сыном. А он и не протестовал. Так удобнее. Знаете, многие мужчины говорят, что служить в армии им нравилось, потому что не надо

думать – знай себе исполняй то, что за тебя решили другие. Вот и Володиные отношения с матерью чем-то напоминали армию: упал, отжался, мама знает лучше...

Маруся наша Эвелине Павловне решительно не нравилась: вертихвостка, к тому же больно много о себе понимает. К тому же она отдавала себе отчет в том, что с появлением Маши ее годами выстраиваемые отношения с сыном станут совсем другими – Володечка переползет из-под ее каблука под Машин. Маша вряд ли станет играть по ее правилам. «Мама знает, как лучше» – с насмешливой, своенравной Машкой такой фокус не пройдет.

Девочка, которую называли Настей в честь Машиной бабушки, всего пару месяцев не дожившей до рождения правнучки, была беспокойной, болезненной. Ей были нужны врачи, массаж, усиленное питание, особые смеси. Словом, все то, что в начале девяностых найти было немыслимо. На прилавках стояли в ряд банки с солеными зелеными помидорами и бычками в томате. Наташа с Виктором особо помочь детям не могли – НИИ, где они работали много лет, развалился, директор сдал огромные площади в аренду, а люди оказались на улице. Те, что помоложе и пошустрее, стали челноками или пошли работать в первые кооперативы. А Наташа и Виктор растерялись: ездить в Польшу и Турцию за шмотками вроде не по возрасту, стоять за прилавком – тем более. Наташа пыталась давать уроки математики и физики недорослям, но это были копейки. А тут Виктора разбил инсульт: уж очень он страдал из-за неприкаянности, никчемности, очень болезненно реагировал на все, что происходило. Наташа не отходила от него днем и ночью, помогать Маше, как раньше, уже не могла.

И тогда Эвелина Павловна объявила, что ради «детей» готова поменять работу: уйти из общеобразовательной школы, где она преподавала домоводство, в коррекционный интернат – там и платят больше, и регулярные продуктовые заказы дают. И здесь Маруся совершила первую стратегическую ошибку. Ей бы вежливо, но твердо отказаться от «жертвы» – дескать, спасибо, дорогая Эвелина Павловна, очень ценим вашу самоотверженность, но мы уж как-нибудь сами. Но она была так растеряна, так напугана, что не справится одна с ребенком, что не сможет дальше учиться. Да что там – вся жизнь пойдет под откос!

Теперь Эвелина Павловна имела полное право по-хозяйски заявиться к ним в квартиру в любое время, открыв дверь собственным ключом, бесцеремонно заглянуть в кастрюли, попенять Маше, что она плохо ухаживает за ее сыном,

не слушая возражений, сварить «детям» борщ – в соответствии с ГОСТом, не зря же она преподавала домоводство. Машка рассказывала, что все свои действия ее свекровь сопровождала комментариями, будто и не выходила из класса: «Закладываем в наш борщик зажарочку», «А теперь картошечку, форма нарезки – кубики со стороной шесть миллиметров», «О, наш борщик почти готов, для подачи нам понадобится сметанка». Маруся уверяла, что от всех этих уменьшительно-ласкательных суффиксов у нее пропадает молоко. Особенно ей было неприятно, когда свекровь так же по-хозяйски брала из кровати Настеньку и принималась инспектировать.

– Ну-ка посмотрим, как твои родители тебя запеленали, – говорила она, и Маше казалось, что Эвелина сейчас ей скажет: «Плохо запеленала! Садись, два, без матери завтра не являйся!»

– А сколько же раз твоя мама с тобой сегодня гуляла? – спрашивала свекровь у двухмесячной внучки, словно игнорируя стоящую рядом Машу. – Ленился твоя мама на улицу выходить, не до того ей, видно, – сварливо заключала Эвелина, поджимая губы. – Ну ничего, бабушка уже пришла, сейчас она порядок-то наведет.

Маша пробовала возражать:

– Эвелина Павловна, зачем вы так? Такое ощущение, что вы Насте мать, а я мачеха. Она уже скоро все понимать начнет, вы же ей внушаете, что я ее не люблю и не забочусь о ней!

Эвелина сначала отмалчивалась, но однажды, резко развернувшись, дала-таки отпор:

– А ты заботишься? – Лицо у нее стало красным, голос визгливым. Маша подумала, что плохо знала свекровь – ей бы на рынке картошкой торговать, а не в школе работать. – Заботишься? Да ты о себе заботишься, все думаешь, как бы сбежать хвостом крутить. С подружками часами трындишь, пока ребенок в мокрых пеленках надрывается! Лишний раз на воздух девочку не вывезешь, ждешь, когда Вова придет. А он, между прочим, учится и работает. Его не припахивать после работы надо, а супу налить и дать отдохнуть! И деньги, что он приносит, не на помады и мазилки всякие тратить, а на ребенка! И ты мне не указывай, что мне внучке говорить! Я на вас пашу,

между прочим, ишачу с утра до вечера! Думаешь, легко мне с этими дебилами работать? Но не жалуюсь! И не сомневайся, не ради тебя я это делаю и даже не ради сына. А ради внучки! Твои же ни копейкой, ни куском хлеба не помогают! Мать-то твоя хоть бы раз в неделю приезжала с внучкой погулять! Так нет, нашла отмазку – муж у нее, видите ли, болен! А кто сейчас здоров? Нет, ты мне скажи! Я, что ли, здорова? Или муж мой? Да у меня давление под сто восемьдесят! А ничего, работаю!

Эвелина сама себя накручивала, голос у нее становился все громче и тоньше, и Маше, на которую в жизни не повышали голос, показалось, что свекровь сейчас разобьет удар. Ей сделалось по-настоящему страшно. И еще – очень обидно. Все, что говорила Эвелина Павловна, было несправедливо, особенно нападки на родителей. Виктор уже несколько месяцев не вставал, не говорил, только жалобно мычал и плакал. Наташа похудела, вымоталась. За ночь ей удавалось поспать от силы часов пять, и то не подряд. У нее рвалось сердце при мысли, что Маша одна с ребенком, что ей надо вернуться в институт, доучиться, получить диплом. Но с кем оставить Настеньку? Где взять денег на няню? Ответов на эти вопросы у нее не было, впору было самой заплакать. Она и плакала, но дочь старалась подбодрить.

А Маша обнаружила, что Эвелина приходит к ним все чаще, а уходит все реже. И когда приходит свекровь, она, Маша, становится лишней.

И тут ей бы повернуть ситуацию: решительно взять все в свои руки, забрать у свекрови ключ от квартиры, в конце концов! Но слаб человек! Маша рассудила, что, если Эвелина все равно приходит каждый день часа в три и уходит поздно вечером, а иногда и вовсе не уходит, остается ночевать в их однушке, значит, можно перевестись на вечерний и снова зажить развеселой студенческой жизнью.

Она даже стала себя ловить на том, что ждет прихода свекрови. Лишь в замке поворачивался ключ, она, схватив сумку, с низкого старта бросалась вон из квартиры. Подальше от Настиного крика, ненавистного быта, пеленок, распашонок и кашек. Сначала ей было стыдно, но потом она уговорила себя, что так всем лучше: бороться с Эвелиной бесполезно, она прочно оккупировала место в их квартире и заняла роль Настиного самого близкого человека. Разговаривать на эту тему с Володей Маша попробовала лишь раз и поняла, что муж ей не союзник. Он стал ее горячо убеждать, что «мама хочет только как лучше, она любит Настеньку, у мамы опыт и вообще...»

– Что «вообще»? – сорвалась тогда Маша. – Может, ты, как и твоя мамаша, считаешь, что я не люблю собственную дочь? Не желаю ей счастья? Думаешь, я не слышу, как она с тобой по вечерам шепчется на кухне? Не понимаю, что это она на меня бочки катит? Как был маменькиным сыночком, так и остался! Мужик ты или где?! Мы с тобой уже и не спали целую вечность! До секса ли тут, когда мамаша рядом с нашей кроватью раскладушкой скрипит! И ты ведь ей не скажешь, что не надо у нас ночевать!

Володя растерялся от такого напора. Ему не хотелось ссор, он понимал, что ни за что не укажет на дверь собственной матери. К тому же его все устраивало: он приходил вечером, действительно очень уставший, а на столе дымился мамин «борщик», на стуле висела мамой же выглаженная рубашка (Машка считала, что гладить одежду – мещанство), Настя, в чистых ползунках и распашонках, умиротворенно сопела. Если Эвелина Павловна не оставалась ночевать, девочка почему-то никак не хотела засыпать, яростно сучила ножками и ручками, сбивала пеленки в мятый, неопрятный ком, кричала, иногда у нее даже поднималась температура. Она словно чувствовала, что Эвелины нет, а родителей, видно, за родных людей не держала. А что секса нет... Ну нет. А у кого он с маленьким-то ребенком есть? Володя готов был на все, в том числе на воздержание, лишь бы не пришлось портить отношения – в идеале, конечно, лучше бы сохранить мир и с матерью, и с женой. Но если выбирать... И он понял, что выберет маму.

Наташа в те редкие минуты, когда находила время позвонить, делилась со мной опасениями: дочь ведет себя легкомысленно.

– Представляешь, звоню вчера в одиннадцатом часу, а Эвелина сообщает, что Маши нет дома. И таким голосом противным добавляет: «А ее, Наталья Александровна, в такое время никогда не бывает». Я прямо себя как на родительском собрании почувствовала, ей-богу. С Машкой говорить бесполезно. Она на все отвечает, что учится, надо сдавать хвосты, которые накопились, пока она с Настенькой сидела. Но чувствую: завелся у нее кто-то. О Володе она ничего не рассказывает, как будто нет его.

А Маша правда пыталась наверстать упущенное, те месяцы, когда ее однокурсницы развлекались, наряжались, ходили на дискотеки и в только появившиеся кооперативные кафе и рестораны, а она, «как приговоренная», гладила пеленки и катала коляску по парку. Нет, конечно, она любила

Настеньку, но – как бы помягче сказать – себя она любила тоже. И отказываться от удовольствий ради ребенка больше была не намерена. А Володя? А что Володя? У Володи есть мама, «борщик» и рубашка на стуле. И больше ему, похоже, ничего не надо. А ей, Маше, надо. И она свое от жизни возьмет. Да когда же еще брать, как не сейчас, когда ей едва за двадцать, когда она молода, свежа, когда так хочется жить, когда душа поет и рвется из клетки?

И тут у нее действительно закрутился бешеный роман. Виталий Игоревич читал зарубежную литературу начала XIX века и был кумиром студентов. На его лекции приходили с других курсов, потоков и даже из других вузов. Элегантный, подтянутый, с благородной сединой. Коллеги-преподаватели говорили о нем не без зависти: «Проездом из Оксфорда». Он действительно был каким-то нездешним, тем и покорила Машу. Еще о нем говорили, что он «еще тот ходок». Рассказывали, что часто приглашает хорошеньких студенток сдавать зачет у него дома («Ну вы понимаете...»). Но Маша была уверена, что она у Виталия единственная, что он любит только ее, только ей цитирует наизусть пьесы Ибсена и стихи Джона Донна, только ей дарит цветы, только с ней он так нежен, предупредителен, так по-джентльменски обходителен. Только с ней он гуляет поздно ночью по Нескучному саду и только с ней целуется под фонарями. А секс? Куда там Володиной молодости до опыта Виталия!

Ей вообще казалось, что Володя, дочь, Эвелина со своим «технологичным борщиком» и картошкой «кубиком шесть миллиметров» – это все было не с ней, приснилось. Домой она теперь возвращалась за полночь, приготовив историю про редкие книги для курсовой, которые есть только в спецхране Ленинки. Но никто ее ни о чем не спрашивал. Володя уже давно спал, раскинувшись на их двуспальном ложе, рядом на раскладушке похрапывала свекровь в бигудях и с ночным «крэмом» на лице, Настя, предусмотрительно накормленная кефиром, спокойно спала. Маша юркала под одеяло, максимально отодвигалась от мужа и хотела только одного – поскорее проснуться завтра, дожидаться прихода свекрови и бежать к Виталию.

Если Настя просыпалась среди ночи, Маша к ней не подходила – все равно Эвелина опередит. Свекровь и правда с первым Настиным писком вскакивала, брала девочку на руки, шептала ей что-то ласковое, и Настенька умолкала, успокаивалась и, причмокивая, засыпала.

Наташа, понимая, что происходит с дочерью, пыталась с ней серьезно поговорить:

– Машка, ты сама не понимаешь, что делаешь. Ты же своими руками все разрушаешь. Ведь ты любила Володю.

– Мам, ну какая разница – как любила, так и разлюбила. Ну неприятен он мне! Не мужик, а тряпка какая-то! «Да, мамулечка, конечно, мамулечка, ты права, мамулечка!» И все шепчутся, шепчутся! Я вообще в собственном доме себя постоялицей чувствую! Всюду эта Эвелина! В шкафу ее одежда, в ванной ее бигуди, в кухне все стерильной марлечкой прикрыто! А запах «Красной Москвы!» Это ж атас! У меня скоро астма начнется! Чуть что не по ней – визжит, как торговка на базаре: «Я на вас ишачу!» Слово-то какое, мам! «Ишачу»!

– Машка, но ты должна быть ей благодарна...

– За что, мам? За то, что не любит меня? Из собственного дома меня выживает? Куском попрекает? Мужа против меня настроила? Вот погоди, Настенька подрастет, она и ее накрутит, можешь не сомневаться!

Наташа не знала, что сказать. Измученная безнадежностью, болезнью мужа, безденежьем, издерганная и невыспавшаяся, она была плохим советчиком. Конечно, не надо было идти у Машки на поводу и давать согласие на этот брак. Дети поженились и родили ребенка. К тому же дети, выросшие в разных песочницах, – понятно было с самого начала, что Володя и его родители – люди не их круга и что с Эвелиной, при всей Наташиной дипломатичности, врожденном чувстве такта и терпимости, ей общего языка не найти. И внучка, выращенная этой чужой женщиной с замашками базарной торговли, будет чужим человеком. Это Наташа, человек, смотрящий на жизнь всегда очень здраво, понимала со всей очевидностью. И исправить положение могла только Маша, если бы сама взялась за воспитание ребенка, пожертвовала учебой, личной жизнью. Но образумить дочь Наташа не могла. Был бы Виктор здоров! Он всегда был для дочери авторитетом, всегда находил какие-то правильные слова, чтобы убедить ее. Но Виктор уже никогда не будет прежним. Дай бог, чтобы не хуже. И у Наташи не было выхода, кроме как решить: «Будь что будет». Сил что-либо изменить у нее не было.

Как известно, жизнь полосатая, как зебра, – истина хотя и банальная, но спорить с ней никто не станет.

Машку ждало разочарование, впрочем, любой здравомыслящий человек, хотя бы немного знающий уважаемого Виталия Игоревича, мог бы это разочарование предсказать. Все произошедшее было так просто и так пошло, что аж противно. Маша решила правда наведаться в Ленинку – начать писать курсовую, пока не отчислили. Она поднималась на «Библиотеке Ленина» в город, а на соседнем эскалаторе ехал он – ее любимый, мужчина ее мечты, ее рыцарь, к ногам которого она бросила семейную жизнь. Ехал он не один – на ступеньке выше стояла тоненькая блондинка с распущенными волосами, а рука Виталия Игоревича лежала на ее талии, иногда съезжая ниже. Нет, они не целовались, до такой вульгарщины почтенный профессор не опускался. Но сомнений в том, что его с блондинкой связывают вовсе не платонические отношения, не было. Видно, не только с Машей он гулял в Нескучном и не только она слушала Ибсена и Джона Донна в его исполнении.

Маша словно застыла. Теперь она все делала машинально, по большому счету ей было на все наплевать. Она даже не сразу поняла, что Володя от нее уходит – супруг ей сообщил об этом, запинаясь и краснея.

– Девушка – бывшая мамина ученица, – простодушно поделился он с Машей.

– Эвелина Павловна познакомила тебя с девушкой из коррекционного интерната? – без особого любопытства спросила Маша, опять-таки отметив некую водевильность ситуации. Раньше бы она не отказала себе в возможности съязвить, но не теперь, когда ей казалось, что жизнь закончилась и уже никогда не начнется.

– Нет, конечно! – горячо заверил ее муж, теперь уже, видимо, бывший. – Олеся давно у мамы училась, когда она еще в обычной школе работала. Она у нее любимой ученицей была, вот мама и...

– Давай без подробностей, Вов, – прервала его Маша. – Ну подложила маман тебе девицу, которая лучше всех борщи варит. Поздравляю!

И тут подала голос Эвелина Павловна, которая все это время стояла за дверью кухни, готовая в любой момент защитить своего Володечку от нападков «этой гулящей фифы».

– Олеся – девушка порядочная, не то что некоторые, которые и о муже забыли, и о дочери родной! И Вову она любит! А Вова любит ее! И работающая! Она и готовить, и шить, и вязать умеет! И рубашки будет гладить!

– Так вы, Эвелина Павловна, Володе жену нашли или домработницу? – поинтересовалась Маша, больше для порядка. Хотелось, чтобы все поскорее закончилось, чтобы эти чужие люди ушли наконец из ее квартиры, чтобы можно было лечь, зарыться головой в подушку и плакать сколько влезет, жалеть себя, обманутую и никому не нужную.

Но Эвелина явно подготовилась к разговору и желала продемонстрировать все «домашние заготовки».

Она припомнила Маше и то, что та «плохо ухаживала за Володей, не обихаживала его», и что «уют в доме отродясь не было», и что «Володечке пришлось на вечерний перевестись и работать пойти, чтобы на сережки-помадки зарабатывать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/cvety-nashey-zhizni>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)